

Борис Цилевич: «История не мыслит моральными категориями»

Недавно Парламентская ассамблея Организации безопасности и сотрудничества в Европе (ОБСЕ) приняла резолюцию, уравнивающую нацизм и сталинизм. Это не первая (и конечно же, не последняя) попытка переоценить события недавнего прошлого, переписать историю Второй мировой войны. Почему эти попытки повторяются с явной периодичностью? Что движет новыми «историками»? К чему их трактовка истории может привести? На вопросы «Часа» отвечает депутат Сейма от «Центра согласия», представитель Латвии в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) Борис Цилевич.

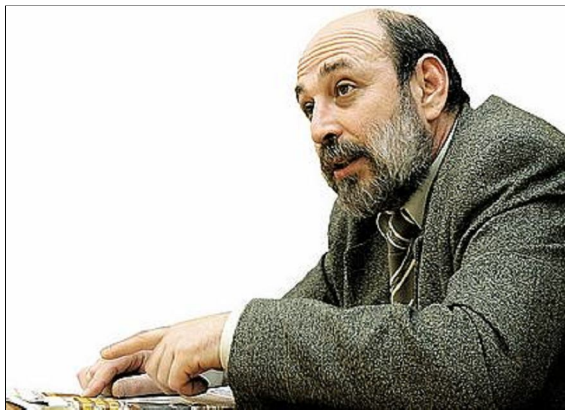

Фото Оксаны Джедан.

Ина ОШКАЯ

Болезнь «холодной войны»

- В этой резолюции ОБСЕ есть что-то принципиально новое?

- В целом - нет. Эта резолюция практически идентична недавней резолюции Европарламента. Авторы ссылаются и на довольно уже давнюю резолюцию ПАСЕ. Я бы сказал так: болезнь «холодной войны» приняла хроническую форму. Когда общая ситуация хорошая, возможны длительные периоды ремиссии, а вот когда экономическое и политическое положение ухудшается - болезнь обостряется, проявляются рецидивы.

История в принципе не мыслит моральными категориями. И сегодняшние высокопарные рассуждения о демократии и правах человека применительно к событиям прошлого слушать и грустно, и смешно. Ведь сами концепции универсальных прав человека, недискриминации появились лишь после Второй мировой войны, когда была создана ООН! И когда мы с точки зрения сегодняшних моральных принципов начинаем оценивать события Второй или Первой мировых войн, это с политической и юридической точки зрения выглядит по-дилетантски.

История была такой, какой она была. Был альянс достаточно демократических по тем временам государств - Великобритании, Франции, США - и недемократического сталинского СССР. И этот альянс разбил гитлеровскую коалицию, остановил коричневую чуму, спас человечество от нацизма. Да, есть исследования разной степени серьезности и разной степени тенденциозности, которые пытаются доказать, что более вероятным был союз Сталина и Гитлера. Но история не имеет сослагательного наклонения, простите за банальность.

- Сейчас часто приходится слышать, что между сталинским Советским Союзом и гитлеровской Германией не было принципиальной разницы. И что решения Нюрнбергского трибунала не являются истиной в последней инстанции.

- Принципиальная разница между сталинским Советским Союзом и гитлеровской Германией состоит в том, что Советский Союз вместе с тогдашними демократиями победил нацизм, а нацизм воевал против тогдашних демократий и проиграл.

Что же касается Нюрнбергского процесса... Теперь говорят, что это было «правосудие победителей». Да, нормативные акты, на основании которых были вынесены приговоры Нюрнбергского трибунала, были созданы самим трибуналом. Это исключение из основных принципов юриспруденции, ведь решения Нюрнбергского трибунала имеют обратную силу. Да, это был уникальный процесс, но мировая юридическая мысль никогда не подвергала сомнению правомерность решений Нюрнбергского трибунала. Более того, эти решения давно стали одним из краеугольных камней современного международного права.

Ни один нормальный человек не будет защищать преступления сталинского режима, уничтожение миллионов собственных граждан. С моральной точки зрения это не может быть оправдано никакими историческими целями. Но между сталинским СССР и гитлеровской Германией нельзя ставить знак равенства с точки зрения международного права.

Сегодняшнее стремление некоторых политических сил устроить «второй Нюрнберг» во многом объясняется попыткой уравнивать разгром нацизма и крах коммунистической системы. Но тут ситуации принципиально различны.

Гитлер проиграл войну. Сталинский режим в общем-то изменился сам. И когда сегодня читаешь о «50 годах тоталитаризма и оккупации», становится и грустно, и смешно - ведь хрущевские времена очень существенно отличались от сталинских, а брежневские - от хрущевских. И коммунистическая система исчезла не благодаря военной интервенции извне, а фактически самоликвидировалась.

Да, советский режим был недемократическим, но уровень социальных гарантий в стране был очень высок. И корни европейской социальной модели связаны именно с влиянием Советского Союза.

Кого беспокоит прошлое?

- Почему же тогда этот вопрос с завидной периодичностью снова всплывает?

- По нескольким причинам. Во-первых, политическую элиту, в особенности в странах Восточной Европы, составляют в основном люди, которые выросли, идеологически и политически сформировались во времена «холодной войны». И от идеологии «холодной войны», впитанной вместе с молоком матери, им отказаться весьма сложно.

К тому же на деле произошло совсем не то, за что эти люди боролись. Они хотели, чтобы «империя зла» Советский Союз развалился и все его составляющие полностью приняли тот порядок, который существовал по ту сторону «железного занавеса». С большинством стран-сателлитов СССР и с рядом бывших союзных республик так и вышло. Но Россия идет своим путем, строит свою модель рыночной демократии. В отношениях Запада и России короткий период эйфории сменился прежними подозрительностью и предвзятостью.

Второе. Разочарование невольно заставляет искать виноватого. Оказалось, что демократия еще не означает, что общество автоматически становится свободным, сытым, богатым. Наоборот, в «новых демократиях» мы видим рост преступности, коррупцию, вопиющее социальное неравенство. Не удивительно, что многие говорят: а в прежние времена жить было лучше! И это приводит в бешенство тех, кто «боролся за свободу». И они стремятся таким вот «историческим» образом найти крайнего.

Третье. Кто все время поднимает этот вопрос? Посмотрите, кто подписал письмо восточноевропейских политиков президенту США Бараку Обаме. Часть «подписантов» - эмигранты-западники, не так давно вернувшиеся на родину, как бывший президент Литвы Валдас Адамкус или наша Вайра Вике-Фрейберга. Это люди, которые так и не сумели понять, что здесь происходит. Даже если они честно пытаются осознать ситуацию, то все равно мыслят категориями времен «холодной войны». И «железный занавес» для них все равно существует - так уж они смотрят на мир.

Вторую группу можно было бы назвать коллаборационистами - если исходить из их собственной концепции. Эти люди в своих странах сотрудничали с коммунистическим режимом, делали неплохую карьеру - возможно, и с фигой в кармане, но все равно. И для них очень важно перевести личную моральную дилемму, проблему индивидуального выбора в геополитический ракурс - мол, во всем виновата Москва! Что бы там ни говорили об отсутствии выбора, выбор был всегда. Можно было не идти в коммунистическую номенклатуру, заниматься чем-то нейтральным. И для этих людей стремление осудить прошлое - своего рода механизм психологической компенсации.

Есть и еще один важный фактор: эти попытки всегда обостряются в то время, когда намечается сближение России и США. И сейчас это как раз происходит. Позиция США абсолютно прагматична. Американцы привыкли потреблять много. Да, они много производят, но потребляют еще больше. Америка живет в долг и отказываться от этого не хочет. Жертвовать благосостоянием американцев ради каких-то идеологических ценностей - это последнее, чего хочет Обама. Так что намечавшееся сближение объясняется чисто прагматическими соображениями. К тому же по своей идеологии современная Россия напоминает Америку. Оба эти государства ставят во главу угла собственные национальные интересы.

- А разве другие страны этого не делают?

- В данном случае «размер имеет значение». Жители любой европейской страны могут быть какими угодно националистами, но ни одна отдельно взятая европейская страна не может конкурировать на мировом рынке - ни в экономическом, ни в политическом смысле. Только Евросоюз как единое целое может пытаться конкурировать со США, Россией, Индией, Китаем... Так что европейцы по определению не могут исходить из собственного узконационального патриотизма. А Россия и США - самодостаточны.

За последние десять лет российское руководство превратило раздираемую противоречиями Россию в сильное, эффективное государство, где абсолютное большинство жителей являются патриотами своей страны. И сделано это было грамотно, умело, с использованием американских методов. Именно похожесть России и США так пугает многих. Сегодня не в интересах США оставить Россию за «железным занавесом», и поэтому письмо бывших лидеров Восточной Европы с жалобой на Россию администрация Обамы предпочла «не замечать».

Латвийская нота

- Какую роль в принятии этих «исторических» документов сыграли латвийские евродепутаты?

- Определенная роль у них есть. Идеология - это специализация большинства из них. Если взять евродепутатов прошлого созыва, то Георг Андреев был, пожалуй, единственным, кто что-то делал для Латвии в экономическом плане. Все остальные занимались только идеологией и историей. Например, доктор экономики Вайдере занималась исключительно осуждением коммунизма. Конечно, голоса, скажем, польских депутатов в хоре осуждения коммунизма звучали громче - ввиду их количества, но и наши внесли свою лепту.

- Насколько я понимаю, никаких последствий принятие этой резолюции за собой не повлечет. Ее подошьют в папку, как и сотни тысяч других бумаг, и спокойно забудут...

- Юридических последствий не будет, так как практического значения эта резолюция не имеет. Но политически она сыграет деструктивную роль. Сегодня ключевым вопросом для Европы является модель взаимодействия в рамках различных международных организаций. Всегда было сложно говорить об эффективности ООН, поскольку, строго говоря, большинство стран-членов ООН демократиями не являются. Европейские структуры были сильнее.

Дестабилизирующим фактором стали бомбардировки Югославии и последовавшее признание независимости Косово. Это положило начало цепной реакции: с Россией не посчитались, с ее стороны жестких мер не последовало, но через какое-то время последовал «симметричный ответ» - признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии. Цепь этих событий, по сути, подрывает саму идею международных организаций, механизмов принятия согласованных решений после сложных

переговоров. И на этом фоне вытаскивание проблем прошлого, попытки восстановить «железный занавес» еще больше осложняют ситуацию.

Вместо того чтобы создавать механизмы, которые будут способны реально работать, предотвращая конфликты и содействуя их разрешению, добиваться согласования интересов всех сторон, дискуссия переводится в историческую плоскость, в обмен упреками, в бесплодный спор: кто был хуже, а кто лучше. Словом, уходит от конструктива. И с этой точки зрения данная резолюция вредна и опасна.